

Чжан Сяовэй лишь тогда заметил, что стоит уже очень долго, когда его ноги совсем затекли.

Глянув в окно поезда, он увидел, что снаружи уже смеркается, а пейзажи становятся всё более незнакомыми. Чжан Сяовэй постарался взять себя в руки и потер виски.

В последнее время он постоянно чувствовал какую-то странную усталость, перед глазами то и дело плыло, а в голове пульсировала боль. Он пару раз принимал обезболивающее, и боль немного отступала, поэтому Чжан Сяовэй списывал всё на переутомление.

Потерев виски еще немного, он почувствовал себя лучше и решил наконец отправиться в вагон, чтобы найти своё место.

Обернувшись, он увидел в проходе двух человек, сидевших на тюках из грубой ткани. Один высокий и крепкий, другой — невысокий и плотный, обоим на вид было около сорока, и выглядели они весьма изможденными долгой дорогой. Они смотрели на него с нескрываемым участием.

Судя по одежде, Чжан Сяовэй решил, что это рабочие-мигранты. Их теплый, заботливый взгляд показался ему до боли знакомым, и от этого на душе у парня стало легче.

Проходя мимо, Чжан Сяовэй достал две пачки лапши быстрого приготовления, протянул их мужчинам и улыбнулся.

Те переглянулись и замялись. Высокий мужчина облизал губы, неуверенно протянул руку и дрожащими пальцами принял лапшу; второй, тот, что пониже, последовал его примеру.

Глядя на их руки, Чжан Сяовэй вдруг ощутил укол в сердце. Сколько же им пришлось вынести, чтобы их ладони стали такими? Грубые мозоли делали руки неестественно большими и даже слегка деформированными, а кожа на тыльной стороне была покрыта трещинами, сквозь которые отчетливо виднелись мелкие ссадины.

Чжан Сяовэй невольно подумал: неужели и его когда-нибудь жизнь прижмет так же сильно?

Жить — это такое тяжкое бремя. От этой мысли его пробрала дрожь.

— Спасибо тебе, — на ломаном путунхуа поблагодарил его высокий рабочий.

Чжан Сяовэй лишь мягко улыбнулся.

Таща за собой чемодан и сжимая в руке билет, он пробирался вглубь вагона, разыскивая свое место. Вскоре он его нашел, но оно уже было занято толстой женщиной с грубыми чертами лица. Она оживленно болтала с каким-то вертлявым и подозрительным мужчиной рядом.

Женщина явно заметила Чжан Сяовэя, изучавшего её с билетом в руках. Она бросила на него мимолетный взгляд, отвернулась к окну и сделала вид, что ничего не происходит.

Чжан Сяовэй подошел к ней и вежливо произнес:

— Извините, это моё место. Не могли бы вы уступить?

Женщина даже не удостоила его ответом, просто улеглась на столик. Окружающие пассажиры принялись с любопытством наблюдать за происходящим, не скрывая злорадства.

Чжан Сяовэй был человеком спокойным, но тут его терпение начало подходить к концу.

Он всегда придерживался принципа: если хочешь договориться по-человечески, он всегда готов пойти навстречу. Но эта женщина, ведущая себя как заправская хамка, даже не соизволила выслушать, и это перешло все границы.

Чжан Сяовэй слегка подтолкнул её и снова повторил, стараясь говорить мягко:

— Вы заняли мое место. Пожалуйста, освободите его.

Женщина подняла голову, нахмурила жидкие, нарисованные карандашом брови и завопила на весь вагон:

— И каким это глазом ты увидел, что я на твоём месте сижу?! Когда мы селись, тут было пусто. Поезд давно едет, а ты решил прийти и тут свои права качать?

Её толстые губы при разговоре неприятно выворачивались, а слюни летели во все стороны. Лицо, подрагивающее от ярости, напоминало разъяренного гиппопотама.

Чжан Сяовэя едва не стошнило.

Он глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, и по-прежнему спокойно сказал:

— Вы вообще понимаете, о чем речь? У меня есть билет, а у вас? Если вы сейчас же не встанете, я позову проводника.

Услышав о проводнике, женщина взвизгнула еще громче, перейдя на пронзительный фальцет:

— Да зови! Иди зови! Посмотри на вагон, ты думаешь, он сюда проберется?

Чжан Сяовэй понял, что она права: проход забит людьми, а он сам с чемоданом с трудом протиснулся даже на несколько шагов. Но отдавать своё место кому-то, а уж тем более такой неприятной и невоспитанной особе, он не хотел.

Тот вертлявый мужчина, который беседовал с толстухой, хихикнул:

— Да ладно тебе, подвинься, пусть подсядет. — Он слегка придвинулся к женщине, освобождая крошечный клочок места, при этом его рука то и дело задевала грудь женщины, колыхавшуюся от движения поезда.

Чжан Сяовэй взглянул на этот пятачок пространства, на поведение этой парочки, и ему стало еще противнее.

Он решил, что с него хватит — в конце концов, сам виноват, не повезло. Чжан Сяовэй обвел взглядом окружающих: кто-то смотрел с жалостью, кто-то сочувствовал, кто-то отстраненно наблюдал, а кто-то откровенно насмехался. Пронзительный голос женщины привлек внимание всего вагона. Те двое рабочих тоже услышали шум и направились в их сторону.

Высокий мужчина подошел к столику, сильно хлопнул по нему ладонью и сказал на своем ломаном языке:

— Терпеть не могу, когда людей обижают. Как тебе не стыдно? Уступи место парню, а то я тебя сейчас сам высажу! — Он протянул свою огромную руку, явно намереваясь схватить женщину за шиворот.

Увидев его руку, та завизжала, вскочила с сиденья и, тряся жиром, поспешно выбралась в проход. Проходя мимо рабочих, она зажала нос и принялась ругаться:

— Вонючие деревенщины, лезете не в своё дело! Так и сдохнете в нищете!

Конфликт был исчерпан. Рабочие просто притащили свои мешки и сели рядом с местом Чжан Сяовэя.

Парень почувствовал неловкость, поднялся и хотел уступить им место, но те замахали руками, показывая, что им вполне удобно и на мешках.

Чжан Сяовэй не стал настаивать. История, которая могла перерасти в скандал, благополучно разрешилась благодаря помощи двух рабочих. Под их негласной защитой Чжан Сяовэй начал своё первое в жизни большое путешествие.

Он надел наушники, включил музыку и, глядя, как за окном проносятся поля и леса, прошептал:

— Прощай, Циндао.

В наушниках зазвучала печальная песня Терезы Тенг: «Прощай, любовь моя, прощай. Мы не знаем, когда встретимся вновь. Я отдала тебе всё, надеюсь, ты это ценишь и не предашь мои чувства».

— Прощай, любовь моя. Прощай, Чжан Чжи.

На душе вдруг стало так тоскливо.

Он всегда привык, что Чжан Чжи оберегает его, и без него стало как-то не по себе.

Честно говоря, Чжан Сяовэй до сих пор не мог до конца понять их отношения. Он знал лишь одно: Чжан Чжи — самый дорогой ему человек, не считая родителей.

Наверное, Чжан Чжи думал так же, хотя никогда не говорил об этом вслух.

Вот только его отношение к Сяовэю было таким неопределенным, что это часто приводило парня в уныние.

Пока за окном сменялись виды, в памяти всплывали картины прошлого.

Чжан Сяовэю девятнадцать, Чжан Чжи двадцать. Знакомы они были девятнадцать лет.

Мама рассказывала, что когда в честь рождения Сяовэя устраивали пир и угощали соседей лапшой, он пронзительно кричал и ничем не мог успокоиться, доводя всех до отчаяния.

Мать Чжан Чжи принесла его с собой. Чжан Чжи тогда уже умел ползать. Его мама положила его на кан, и малыш пополз к плачущему Сяовэю, а потом тихонько похлопал его по плечу. И, как ни странно, случилось чудо: то, что не удавалось взрослым, удалось маленькому Чжан Чжи — Сяовэй замолчал.

Это поразило всех. Как младенец, который только недавно начал ползать, мог понимать, как успокоить другого? Его мама говорила, что такого еще не видела.

Взрослые решили, что это судьба, и что в будущем эти двое будут неразлучны. С тех пор эта история о предопределенности стала любимой легендой деревни.

Видимо, в мире всегда есть вещи, которые невозможно объяснить, и люди склонны приписывать их судьбе. Как, например, неоднозначные отношения Чжан Сяовэя и Чжан Чжи.

Чжан Чжи был на несколько месяцев старше, и его старые штанишки идеально подходили Сяовэй. Тот так и рос, донашивая вещи за Чжан Чжи. Может, именно поэтому про них говорили, что они «выросли в одних штанах»?

Мама рассказывала, что в детстве, стоило Чжан Чжи получить новую игрушку, он тут же бежал к Сяовэй, чтобы тот поиграл первым — даже с любимым игрушечным пистолетом он расставался без колебаний. А Сяовэй, не видя друга хотя бы день, начинал плакать. Тогда мама Чжан Чжи каждый день приводила его к ним в дом. Пока женщины занимались рукоделием, мальчики играли на кане. Мама Чжан Чжи любила говорить: «Странный ребенок, к своим не липнет, всё к Чжан Чжи тянется. Если бы Сяовэй был девочкой, я бы точно сделал его своей невесткой». Мама Сяовэя, конечно, отвечала с иронией: «А может, это твой Чжан Чжи пойдет к нам в зятя?»

Сяовэй обожал слушать эти истории, ведь в голове всегда всплывал образ сопливого, нескладного Чжан Чжи — точно такой, как на старой фотографии, где они вдвоем стоят на скамейке, пытаясь дотянуться до цветов в саду. У Чжан Чжи из носа тянутся две длинные сопли, а другой рукой он крепко обнимает Сяовэя, боясь, что тот упадет.

Этот образ вечно сопливого Чжан Чжи долгое время был предметом шуток. Сяовэй вечно подкалывал его: «Ты, наверное, все свои сопли на меня вытер! Теперь ты обязан отвечать за меня!» — и закатывал глаза, а Чжан Чжи только беспомощно улыбался.

Вспоминая эту нелепую физиономию друга, Чжан Сяовэй невольно улыбнулся.

Есть ли на свете человек, при мысли о котором на душе становится так тепло?

Думая о Чжан Чжи, Сяовэй невольно расплылся в улыбке.

Прошло всего пять часов с момента их расставания, а он уже места себе не находит — позор, да и только. Разве не для того он, несмотря на все возражения, рвался на учебу в Чаншу, чтобы сбежать от него как можно дальше?

По мере того как они выросли, оба начали осознавать, что в их отношениях есть некая двусмысленность. Разговоры окружающих часто ставили их в тупик.

Чжан Сяовэй твердо решил уехать из Циндао, полагая, что расстояние поможет им отдалиться.

Но сейчас, судя по его состоянию, это решение было не самым мудрым.

<http://bllate.org/book/21931/2278615>